

Вторая Вознесенская

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ
РУССКОЙ
ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

100 дней до Потопа

Юлия Вознесенская
Сто дней до потопы (сборник)

«Лепта Книга»

2011

УДК 821.161.1-31Вознесенская Ю.
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Вознесенская Ю. Н.

Сто дней до потопы (сборник) / Ю. Н. Вознесенская — «Лепта Книга», 2011

ISBN 978-5-4444-3966-1

В сборник «100 дней до Потопа» вошли две повести известной православной писательница Юлии Вознесенской. Повесть-притча «100 дней до Потопа» основана на библейском сюжете. Но история эта и о нашем времени, о том, слышим ли мы предупреждения Святого Писания, или все повторяется, как во времена Всемирного Потопа, когда Ной сто лет звал людей ко спасению, а откликнулись лишь звери. «Сын Вождя» – книга о нашем прошлом. Однажды на даче под Петербургом, где гостила Юлия Николаевна, между гостями зашел разговор о мумии Ленина, и один из них поведал удивительную историю. Она и вдохновила писательницу на создание повести.

УДК 821.161.1-31Вознесенская Ю.

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-4444-3966-1

© Вознесенская Ю. Н., 2011

© Лепта Книга, 2011

Содержание

Сын Вождя	6
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Юлия Николаевна Вознесенская

100 дней до потопа (сборник)

*Но как было во дни Ноя, так будет
и в пришествие Сына Человеческого:
ибо, как во дни перед потопом ели, пили,
женились и выходили замуж до того дня,
как вошел Ной в ковчег, и не думали, пока
не пришел потоп и не истребил всех, —
так будет и в пришествие
Сына Человеческого.
(Мф. 24, 37–39)*

Допущено к распространению Издательским Советом Русской
Православной Церкви

© ООО «Гриф», оформление, 2015.

© ООО «Издательство «Лепта Книга», текст, 2015.

© Вознесенская Ю.Н., 2015.

Сын Вождя

Сын Вождя проснулся и, даже не открывая глаз, почувствовал, что сегодня – ЕГО ДЕНЬ. Ломило и крутило суставы, слегка познабливало, и все это были верные признаки.

Стараясь не вздохнуть глубоко, не зевнуть, не совершить заметного движения даже веками, чтобы глазок напротив кровати не засек его пробуждения, он чуть-чуть приоткрыл глаза и нашарил зрачками окно.

А за окном была еще темень, к стеклу липли и тяжело сползали вниз большие хлопья снега, сквозь приоткрытую форточку доносились посвисты порывистого ветра.

И он услышал, как издалека, с самого дна его усталого старого сердца, прозвучал звонкий голос:

Белый камень у меня, у меня!
Говорите про меня, про меня!

Да, это, несомненно, ДЕНЬ ЕГО СВОБОДЫ. Такая удача выпадала Сыну Вождя не каждый год, и он едва сдержал улыбку: рано, ох, рано еще радоваться! Теперь главное – держаться спокойно и ничем себя не выдать.

Под одеялом он осторожно протянул руки к коленям и начал их разминать и массировать. Спасибо доброй старушке, научившей его делать массаж, без него он едва ли сумел бы сегодня подняться с постели. Как же ее звали? Мария... А как дальше? Кажется, Мария Карловна.

Вот она сидит на скамеечке возле его ног. Он видит сверху собранные в пучок редкие белые волосы, сквозь которые чуть-чуть просвечивает розовая кожа.

– Ну что? Стало легче? – спрашивает она, поднимая к нему милое озабоченное лицо.

– Да, значительно легче. Спасибо вам большое, Мария...

Да нет, никакая не Карловна, вот еще! Какое-то совсем простое русское отчество. При чем тут Карловна? Скорее Мария Федоровна или Мария Петровна... Ну ничего, если день окажется удачным, он потом обязательно вспомнит ее отчество.

Кровь заструилась быстрее, колени разогрелись, и ломота стала отходить. Теперь можно было потихоньку подниматься. Кряхтя и демонстрируя ревматическую боль, которой на самом деле уже не было, он сел и спустил на пол ноги. Немного посидел так, сторбившись, на постели, а потом медленно поднялся, опираясь рукой о спинку кровати.

Сын Вождя не спеша, все так же кряхтя и постанывая, застелил постель и побрел в ванную. С глубоким вздохом он наклонился, закрыл пробкой сливное отверстие ванны и пустил горячую воду. Постоял над ванной и побрел обратно в комнату, волоча ноги и шаркая домашними туфлями.

На этом коротком пути из комнаты – через прихожую – в ванную было установлено три глазка, и все они должны были сегодня зафиксировать его немощное состояние.

Он подошел к шкафу и приоткрыл его дверцу лишь наполовину. Это тоже должно было выглядеть еще одним свидетельством его скверного самочувствия: вот, даже дверцу распахнуть сил нет...

Внизу, под бельевыми полками, лежала небрежно сваленная груда одежды. На самом деле это была сложенная в хорошо продуманном порядке одежда для выхода в ДЕНЬ СВОБОДЫ: байковые кальсоны, вигоневые носки, вязаная безрукавка и замечательно теплая фуфайка из ангорской шерсти.

Он потянулся к полке со стопкой полотенец и взял одно из них – большое, банное. Полотенце тут же, будто ослушавшись его ревматических рук, а на самом деле умело направленное

ими, упало вниз, на грудю одежды. Поднимая оброненное полотенце, он прихватил вместе с ним и одежду для прогулок.

В ванной комнате он повесил полотенце на крючок, а теплое белье при этом уронил на пол как раз под самым глазком – и вне пределов его видимости.

Ванна за это время почти наполнилась горячей водой, и можно было купаться – очень осторожно, чтобы не распариться перед прогулкой. Он опустил в воду и сразу же вытащил пробку. Когда вода ушла, он лежал еще минут пять в пустой горячей ванне, чувствуя, как расправляются сведенные за ночь мышцы и сосуды, и только потом вылез и насухо обтерся полотенцем.

Теперь ему предстояло проделать один хитрый акробатический трюк, тоже давно им придуманный и отработанный. Голову он не намочил, но сделал вид, что вытирает волосы, после чего намотал полотенце наподобие чалмы, как это делают женщины. Обмотанной полотенцем головой он заслонил единственный глазок ванной комнаты. Затем, стоя на одной ноге, он пальцами другой по очереди подцепил и поднял с пола носки, теплые кальсоны, ловко перехватил их руками и сразу же надел, а после подсунул руку под свернутое чалмой полотенце и освободил из него голову, полотенцем продолжая закрывать глазок. Он сумел, меняя руки, натянуть фуфайку и безрукавку, а сверху на все это надеть халат.

Отдышавшись после этих совсем не простых упражнений, Сын Вождя прошел в комнату, снова подошел к шкафу и снял с вешалки брюки. Он сумел надеть их, не снимая халата и не давая глазку в противоположной стене засечь теплые кальсоны.

Потом он опять пошел к ванной, неся с собой самый теплый из своих свитеров. Очередной фокус состоял в том, чтобы войти в темную ванную, мгновенно сбросить халат и надеть свитер, и только потом зажечь свет и спокойно повесить на место халат. Все это у него получилось, и теперь свитер надежно скрывал надетые подниз безрукавку и фуфайку.

Сын Вождя отправился на кухню. Он волновался, аппетита не было, и не хотелось терять время на еду, но необходимо было запастись калориями на целый день. Вместо обычного кефира он взял баночку сметаны. На хлеб намазал толстый слой масла и положил сверху три куска докторской колбасы и два кружочка копченого сыра – все, что нашлось в холодильнике. Этот чудовищный бутерброд Сын Вождя запил крепчайшим чаем с шестью кусками сахара и решил, что теперь он сыт на весь день. Убирая сахарницу со стола в буфет, он на всякий случай сунул в карман еще несколько кусочков сахара. Вот теперь он был вполне готов к выходу.

В крохотной прихожей он сначала надел свое тяжелое зимнее пальто, а потом повторил тот же прием, что и в ванной: надел на голову серую шапку-ушанку, подошел к глазку, встал перед ним, сунул в ушанку левую руку и высвободил голову, шапкой продолжая закрывать глазок. Правой рукой он быстро достал из тумбочки под вешалкой яркий вязанный шарф, такую же шапочку и рассовал их по карманам пальто. Затем надел ушанку на голову, отошел от глазка и неторопливо укутал шею серым шарфом.

Уже не таясь, он вынул из тумбочки плетеную сумку-авоську и вышел за дверь квартиры. Замок он запер на один оборот ключа, как будто намерен был скоро вернуться, и отметил, что из квартиры напротив не раздалось ни единого звука.

Последние несколько лет его соседи по площадке и по лестнице, казалось, вообще перестали обращать на него внимание. Все они были такие же холостяки, как и он, – семейных на этой службе не держали; они старились вместе с ним и уже, наверное, все один за другим вышли на пенсию. Он подозревал, что теперь слежка за ним из основной работы превратилась для них в небольшой приработок к пенсии. Встречаясь с ним на лестнице или возле подъезда, они уже не стреляли в него исподтишка цепким профессиональным взглядом, а просто кивали ему по-соседски, похоже, и сами того не замечая. Но, конечно, они никогда с ним не заговаривали, как и он с ними.

Он спокойно сошел по лестнице, уверенный, что никто из соседей в такую погоду следом за ним не двинется. В крайнем случае они позвонят куда надо и сообщат, что он вышел, как всегда, в 9 часов 5 минут, одетый как обычно и с авоськой в руке.

Начало десятого – это было как раз то время, когда в их окраинном универсаме толпилось довольно много народа: местные пенсионеры и домохозяйки спешили с утра запастись продуктами. Но для него это было самое удобное время, не считая часа перед закрытием, – ему как раз и нужна была сутолока в магазине.

В снующей толпе Сын Вождя подошел к молочному отделу, взял очередную бутылку кефира, баночку сметаны, потом прошел в колбасный отдел. Круглолицая девушка-продавец, которую он давно уже приметил, ласково спросила:

– Вам, дедушка, как всегда – сто грамм докторской?

Он кивнул, но без ответной улыбки.

Это случилось в маленькой булочной за углом, теперь уже давно не существующей: после открытия универсама все маленькие магазинчики в районе один за другим позакрывались.

В тот раз молоденькая продавщица сказала ему:

– Дедушка! Не берите нарезной батон, он вчерашний. Возьмите лучше французскую булку или сайку: их вот только сейчас привезли из пекарни, они еще горяченькие!

Он расчувствовался, ласково поблагодарил ее за заботу и что-то сказал о погоде. А на другой день продавщица исчезла.

Правда, девушка вполне могла уйти в отпуск, сменить работу или перейти в другую булочную, но он-то не мог никого спросить, почему ее нет на обычном месте за прилавком. Конечно, это было уже давно, с полвека тому назад, но все равно он с тех пор остерегался без особой надобности поднимать глаза на продавщиц, на парикмахеров, на приемщиц белья в прачечной. Зачем губить людей?

Забрав свои сто граммов докторской, Сын Вождя направился к винному отделу, где продавали также и табак. Купив пачку «Беломора», он пошел к выходу.

Сын Вождя практически не мог курить – от запаха тлеющего табака его тошнило. Но свои обязательные пять папирос в день он стойчески выкуривал, а точнее – сжигал. Он демонстративно расхаживал по квартире с дымящей папиросой в руке, а пепельницы на кухне и в комнате у него всегда были полны окурков.

Одну папиросу из пяти он раскуривал как следует, а потом клал на край пепельницы и давал ей дотлеть до мундштука: именно она должна была обеспечить в квартире стойкий запах табачного дыма. Остальные папиросы он тоже отправлял в пепельницу, но уже после первой фальшивой затяжки: он их гасил сразу, чтобы потом можно было незаметно сунуть их обратно в пачку и снова использовать. Так ему удавалось создать впечатление, что он выкуривает за день пачку «Беломора», хотя на самом деле одной пачки ему хватало на три-четыре дня. Но каждый день он шел в магазин как на работу, исправно толкался у винно-табачного отдела и отходил от него, успев незаметно переложить из кармана в авоську запечатанную пачку «Беломора», прихваченную из дома. Для того-то он и ходил в универсам именно в те часы, когда там было больше всего народа – с утра или перед самым закрытием.

Фальшивое курение давало Сыну Вождя свободные деньги, которые были так необходимы для ЕГО ДНЕЙ СВОБОДЫ. Если бы он попытался экономить на еде, стрижке или на прачечной, это было бы сразу замечено «кожаными куртками», а вот считать окурки – до этого даже они не додумались. Ну, курит старик и курит – много ли у него развлечений? – и к деньгам на питание ему стали прибавлять стоимость тридцати пачек «Беломора» в месяц. Это был его единственный, очень скромный, но зато постоянный доход.

Выйдя из универсама, Сын Вождя семенящей старицкой походкой побрел к скверику – обычному месту его ежедневных прогулок. Там он присел на скамеечку, откуда видны были

часы на углу улицы рядом с автобусной остановкой. Опустив голову и надвинув шапку почти на самые глаза, он исподлобья внимательно следил за минутной стрелкой.

Как ни странно, автобус приходил на эту остановку всегда в одно и то же время. Возможно, потому, что это была всего лишь вторая остановка от кольца и тут автобусы еще придерживались какого-никакого расписания.

Выждав, когда до прихода автобуса осталось две минуты, он тяжело поднялся со своей скамейки, вышел из скверика и побрел по улице в сторону остановки. Там, под столбиком с синей вывеской, притопывая ногами и отворачиваясь от летящего в лицо снега, в ожидании автобуса стояли люди. В основном это были служащие, спешившие на работу к десяти часам утра. Их на остановке собралось довольно много – автобусы ходили редко.

Сын Вождя рассчитал время как нельзя удачней: он будто бы случайно оказался на остановке именно в тот момент, когда подошел автобус и началась толкотня возле обеих дверей. Он смешался с толпой пассажиров и, когда автобус уже почти трогался, рывком протиснулся в закрывающиеся двери.

С передней площадки Сын Вождя сразу же начал пробираться к дверям в середине автобуса. Через две остановки он вышел и пересел на троллейбус, сначала на один, а через несколько остановок – на другой. И конечно же, он везде аккуратно брал билеты.

Сын Вождя вышел на перекрестке двух проспектов, где была станция метро, а троллейбусная линия пересекалась с трамвайной. Теперь на нем были ярко-красные, совсем не стариковские вязаные шарф и шапочка с помпоном. Серый шарф и каракулевую шапку-ушанку он еще в последнем троллейбусе свернул и сунул в авоську. Под валившим все гуще снегом он бодрой походкой пенсионера-физкультурника, широко и крепко шагая, подошел к трамвайной остановке и стал ждать двенадцатого номера, который и должен был отвезти его на Острова.

В трамвае Сын Вождя скорее почувствовал, чем осознал, что слежки за ним нет. Пассажиров было немного, поток едущих на работу уже иссяк. Теперь вагон занимали в основном пенсионеры да взрослые с детьми-дошкольниками – публика не слишком озабоченная и расположенная к общению. Иногда и у него случались коротенькие трамвайные знакомства, доставлявшие ему огромное удовольствие: перекинулся с ним кто-то двумя-тремя словами о погоде, посетовал, что трамваи стали ходить реже, да просто попросили его разменять деньги или передать билет – а много ли ему надо? Поговорил с человеком, и на душе теплее.

Вот так же случайно он когда-то познакомился с Марией Карповной и ее внучкой Леночкой. Ну да, вот он и вспомнил ее отчество – Карповна, Мария Карповна... Боже, какое же это было чудесное знакомство!

Тогда он тоже ехал на двенадцатом трамвае. Сын Вождя в то время еще только начинал свои тайные вылазки и с людьми разговаривать еще не осмеливался. Он сидел у замерзшего окна и глядел на заметенные улицы в процарапанную кем-то до него проталинку.

На остановке возле цирка в трамвай разом вошло много народа, в основном с детьми, – как раз кончилось дневное представление. Напротив него села старушка с девочкой лет пяти-шести. Вот эта девочка с ним тогда и заговорила:

– Дедушка! А мы с бабушкой были в цирке!

Он вздрогнул от неожиданности и ошеломленно поглядел на нее, испытывая растерянность, недовольство и страх. Старушка же ничего не заметила, занятая поисками нужной монетки в кошельке.

Он откашлялся, хмыкнул, но так и не сумел ничего ответить. А девочка продолжала глядеть на него радостными глазами.

– Мы видели зверей и клоунов!

– А... Гм... Очень хорошо, – пробормотал он и отвернулся к окну.

Но девочка не унималась.

– Дедушка! А ты был маленьким?

Он поглядел на нее, с отвращением чувствуя пустоту и холод своего взгляда. Потом сделал над собой усилие и ответил:

– Да, был... Конечно, был!

– И тебя тоже водили в цирк?

Тут на их разговор обратила внимание бабушка, уже нашедшая нужную монетку и передавшая ее кондуктору через пассажиров.

– Леночка! Сколько раз тебе повторять, что незнакомым людям нужно говорить «вы», а не «ты»?

– А мы знакомые люди. Разве ты не слышишь, бабушка, что мы с этим дедушкой про цирк разговариваем? Ведь правда, дедушка, мы уже познакомились?

– Правда, – выдавил из себя Сын Вождя, не поднимая глаз на опасную девочку.

Она же, не замечая его смятения, продолжала расспросы:

– Дедушка, ну скажи, когда ты был маленьким, тебя водили в цирк?

Его вдруг прорвало, и он произнес самую длинную фразу из сказанных вслух за последние сорок лет:

– Когда я был маленьким, мой папа на Святках всегда водил меня в цирк Чинизелли.

– Дедушка, а кто тебе тогда больше нравился – звери или клоуны?

– А вот этого я, к сожалению, уже не помню.

Старушка вдруг непринужденно вступила в их разговор:

– Подумать только, я ведь тоже девочкой ходила в цирк Чинизелли! А где вы жили тогда в Петербурге?

– На Большой Морской.

– А знаете, мы с вами в прежние годы были почти соседями: до войны мы жили на Конногвардейском бульваре. Может быть, в детстве мы с вами в одно и то же время гуляли в Александровском саду!

Сын Вождя испугался собственной внезапной болтливости и, чтобы пресечь дальнейшие расспросы о детстве, быстро проговорил:

– Потом меня увезли в другой город, и я вернулся сюда только под старость.

– А я всю свою жизнь прожила в этом городе и блокаду тут пережила. Я коренная петербурженка!

Не зная, что на это ответить, но и не желая прекращать нечаянный разговор, который уже перестал его пугать и даже начинал нравиться, Сын Вождя потер коленку и пожаловался:

– Вот, ревматизм разыгрался... Погода дурная...

Старушка тему о болезнях охотно поддержала и в свою очередь посоветовала, что ее донимает артрит.

– А впрочем, нам с вами грех жаловаться на свои недуги: много ли наших ровесников дожило до старческих болезней?

– Да, это верно, – согласился Сын Вождя.

– У нас ведь как, в нашем-то возрасте? Сегодня болит одно, завтра другое, а мы все скрипим и скрипим... Мой отец, врач-гомеопат, дожил до девяноста лет. Он практиковал почти до самой смерти, по крайней мере давал медицинские советы знакомым. И, бывало, он утешал своих престарелых пациентов такой шуткой: «Если вам за семьдесят и вы, проснувшись утром, почувствовали, что у вас ничего не болит, значит, одно из двух: либо вы уже умерли, либо вы еще не проснулись». И он был прав, мой батюшка, не правда ли?

– Совершенно с вами, то есть с ним, согласен.

– А вы знаете, что ревматизм можно лечить без врачей – одним массажем?

– Неужели?

– Да-да, одним только массажем! Причем этот массаж очень простой, его можно научиться делать самому.

– Это поразительно.

– А хотите, я вас научу? Я многих своих знакомых ему обучила, и массаж этот всем принес великое облегчение. Вы куда-нибудь спешите?

– Нет, я никуда не спешу, – с замиранием сердца, уже предчувствуя, что последует дальше, ответил Сын Вождя.

– Как раз следующая остановка – наша. Мы с Леночкой приглашаем вас в гости, и я вам преподам первый урок этого удивительного массажа. Вы не представляете, насколько вам сразу полегчает, вы просто другим человеком станете!

– Что вы! Это как-то неудобно...

– И не слушаю, и не слышу! Вздор какой – неудобно! Мы с вами уже не в том возрасте, чтобы бояться случайных знакомств. Леночка, приглашай дедушку – это же твой знакомый!

– Пойдемте к бабушке, дедушка! Мы будем пить чай с пирожками. Бабушка всегда печет пирожки, когда я прихожу к ней в гости.

– Прошу вас, не отказывайтесь. Куда бы вы ни направлялись, зайти по дороге попить чайку совсем не вредно, особенно по такой-то погоде. К тому же – это Леночка угадала – с домашними пирожками.

Это было так неожиданно, так удивительно прекрасно, что он не успел испугаться и – принял приглашение.

Они вышли из трамвая, и Леночка подала одну руку в пестрой варежке бабушке, а другую – ему. Впервые в жизни он ощутил в своей руке руку ребенка и очень удивился тому, какая она маленькая. Так они и пошли по заметенной улице: старик, старушка и между ними – не разделяя, а соединяя их – маленькая девочка, трогательная в своей пушистой зимней неуклюжести.

Он одним ухом слушал старушку, рассказывавшую что-то об изменении маршрута троллейбуса, который прежде подвозил их почти до самого дома, а другим – Леночку, глубокомысленно рассуждавшую о разнице между зверьми в цирке и зверьми в зоопарке. Он их обеих слушал не очень внимательно, сам он в это время думал о том, что это нечаянное счастье могло быть его настоящей жизнью: вот так идет он, так – Марина, а посередине – их доченька или, учитывая его теперешний возраст, скорее внука. Ни сына, ни внука он бы иметь не хотел. Мальчики – это совсем не хорошо! Ведь именно мальчики, вырастая, сочиняют политику, а потом из-за нее убивают и мучают других таких же мальчиков...

Они подошли к подъезду с высокой двустворчатой дверью.

– Вот здесь я и живу! – сказала старушка, и Сын Вождя успел быстро шагнуть вперед и предупредительно отворить дверь, пропуская в подъезд ее и Леночку. Надо же – не забыл!

По широкой гранитной лестнице, обветшавшей, но все еще красивой – с коваными чугунными перилами и высокими тройными окнами с полукруглой верхней фрамугой – они поднялись на второй этаж и остановились перед обитой черной клеенкой дверью. Старушка достала связку ключей, выбрала из них самый большой и открыла замок.

– Входите, прошу вас!

Она провела их по длинному коридору, остановилась возле одной из дверей и объявила:

– А вот здесь моя комната!

Сын Вождя заметил, что в большой коридор квартиры выходит множество дверей, но постеснялся спросить, все ли живущие здесь люди приходятся старушке родственниками или тут есть и посторонние? Он уже слышал прежде, что теперь бывают квартиры, в которых живут рядом и пользуются общей ванной и одним на всех туалетом совсем чужие друг другу люди.

Старушка отперла дверь комнаты ключом, и он подумал, что в квартире, видимо, проживают не только родственники. А Леночка живет где-то в другом месте и приходит сюда в гости... Странно.

За дверью оказалась крохотная прихожая, где Сыну Вождя предложили раздеться и разуться. Он снял свое тяжелое пальто, повесил его на вешалку, размотал шарф, сунул его

вместе с шапкой в рукав пальто и начал разуваться. И тут он ужасно смутился: он не заметил, что его зимние ботинки стали протекать, а теперь это вдруг так некстати обнаружилось – тонкие серые носки промокли и потемнели от сырости.

Хозяйка между тем раздевала Леночку и смущения его не заметила.

– Наденьте вот эти шлепанцы, они вам будут впору, – сказала она, доставая из-под вешалки и подавая ему домашние туфли без задников.

Он хотел было незаметно сунуть в них ноги в мокрых носках, но потом решил, что это будет нехорошо – промочить своими сырыми носками хозяйские туфли. Он стоял в полной растерянности и совершенно не представлял, как ему выйти из столь сложного положения.

– Ох, как вы ноги-то промочили, бедный! Не надевайте пока туфли, я вам сейчас теплые носки принесу. Пойдите тут минутку. Пойдем, Леночка!

Он стоял в тесной прихожей, не смея пошевелиться. Хозяйка вернулась через минуту, неся в руках толстые шерстяные носки.

– Вот, наденьте. Да снимите же сначала мокрые! Я их на батарею повешу. Не стесняйтесь, не стесняйтесь, пожалуйста: наше дело стариковское – нам полагается ноги беречь. Давайте-ка их сюда!

Он послушно протянул ей скомканные и неприятные на ощупь мокрые комочки. Слава Богу, они, кажется, совсем не пахли...

– А эти берите и надевайте.

Он взял носки и, неуклюже наклонившись, натянул их на застывшие ноги.

– Проходите, голубчик, прошу вас. – С этими словами Мария Карповна откинула тяжелую бархатную занавеску, отделявшую прихожую от комнаты. Занавеска была старенькая, потертая, вылинявшая на складках, но Сыну Вождя позже, когда он вспоминал и снова проживал эту минуту, всегда казалось, что перед ним тогда раздвинулся роскошный малиновый театральный занавес.

Перед его глазами предстала комната, вдвое большая, чем вся его однокомнатная квартира. Сначала он не видел никаких деталей, не разглядел мебели, а только почувствовал, как на него пахнуло чем-то полузабытым, но дорогим.

– Проходите и садитесь на диван к Леночке.

Он пошел к дивану, на котором уже сидела, подобрав ноги, Леночка. Сбоку мелькнула и пропала из поля зрения лампа на длинной бронзовой ножке с шелковым абажуром, по краю которого свисала бахрома из бисера, – точно такая же стояла у его матери в спальне. Середину комнаты занимал прекрасный овальный стол на четырех толстых круглых ножках, соединенных перекладинами, – а у них такой же стоял в гостиной, и маленьким Сыну Вождя любил под ним играть. А письменный стол у окна пусть и не был точной копией стола в отцовском кабинете, но он был из той же семьи старинных письменных столов – основательных, тяжелых, крытых зеленым сукном, с бронзовыми подковообразными ручками на ящиках. У стены напротив дивана стоял огромный четырехдверный шкаф, а в углу комнаты, справа от входа, высилась почти под самый потолок темно-зеленая изразцовая печь: и печь и шкаф тоже были очень знакомыми, только сразу он не сумел вспомнить, где видел их в прежней жизни.

А вот диван, на котором они с Леночкой сидели рядышком, ничего ему не говорил – диван был немой. Похоже, что диван этот втерся в чуждую ему обстановку из сегодняшнего времени, и может быть, на нем даже спали. Правда, сверху он был накрыт зеленым, в черную и красную клетку стареньким пледом, и это несколько примиряло.

Леночка все еще рассуждала о зверях-артистах и зверях-арестантах, а он, осторожно поворачивая голову, продолжал оглядывать чудесную комнату. Теперь он уже заметил и такие вещи, которых в его прошлом не было, – висевшую над угловым столиком большую икону Божьей Матери в золоченом резном киоте. Иверская, кажется?.. Под иконой горела синяя лампадка, а на столике стояло на подставке большое фарфоровое пасхальное яйцо с

нарисованным на нем монастырем. Издали ему показалось, что это Соловецкий монастырь. Ему очень не хотелось, чтобы это были Соловки, и он нарочно не стал приглядываться.

Он повернулся и сел боком, разглядывая стену над диваном: она почти сплошь была завешана фотографиями в больших и маленьких, квадратных и прямоугольных, круглых и овальных рамках. Боже мой, сколько же тут было разных лиц! Породистые мужские лица, многие с усами, бородками и даже бакенбардами; торжественные лица нарядных детей; красивые и строгие женские лица, больше похожие на репродукции с живописных портретов, чем на простые фотографии. Конечно, он и сейчас видит в городе много красивых молодых женщин, но почему-то ему всегда кажется, что у них не лица, а мордашки.

Вот и у его матери тоже было ЛИЦО – красивое лицо молодой дамы, даже когда она одевалась и причесывалась под курсистку. А у него не сохранилось ни одной ее фотографии, все забрали и унесли «кожаные куртки». Были только портреты Вождя, да и то не в доме, а на городских улицах. Странно, но у него никогда не появлялось желания иметь портрет Вождя в своей квартире, хотя можно было бы придумать для него какой-нибудь тайник. А возможностей было сколько угодно, особенно в юбилейный год, когда отмечалось столетие со дня рождения Вождя. Тогда его портреты только что на колбасе не печатали...

Старушка вернулась из кухни с чайником, поставила на стол темно-синие с золотом чашки и блюдо с пирожками. Пирожки были с капустой, яйцом и луком. Потом Сын Вождя иногда покупал готовые пирожки с лотков, несколько раз даже заходил в пирожковые и брал там парочку – ну конечно же, никакого сравнения!

Перед ужином хозяйка сказала, что ее зовут Мария Карповна, и он тоже как-то ей представился, но имя и отчество назвал вымышленные и потом никак не мог вспомнить какие.

Он сидел, пил чай с пирожками и блаженно пошевеливал под столом ногами в шерстяных носках: ох и теплые же они были, эти носки, и как скоро они согрели его озябшие ноги!

Мария Карповна рассказала ему, что делать массаж она научилась у своего отца: тот был другом и последователем известного натуропата Алексея Суворина и вместе с ним считал, что правильный массаж излечивает многие болезни, а уж ревматизм – определенно. Убеждая его, она положила свою руку поверх его лежавшей на столе руки и чуть-чуть пожала. Он замер.

– И делать этот массаж нужно не тогда, когда начался приступ и боль уже связала вас по рукам и ногам, а ежедневно, желательно даже по два-три раза в день. И тогда, голубчик мой, вы забудете про свой ревматизм! То есть он, конечно, никуда не денется, но ревматизм будет существовать сам по себе, а вы – сами по себе.

Он слушал Марию Карповну, а сам все глядел на ее руку, лежавшую поверх его руки, и дивился тому, что старушечья рука, вовсе даже не красивая на вид, может нести столько покоя и умиротворения. Прошло уже много лет с той волшебной минуты, а Сын Вождя мог и сейчас вызвать в памяти ощущение ее теплого и легкого прикосновения – вот тут, чуть повыше косточек...

А затем Мария Карповна и вовсе повергла его в смятение: после чая она пересадил его в кресло, сама примостилась у его ног на маленькой скамеечке и принялась разминать и растирать его колени. Конечно, боль сразу же отступила, но вместе с нею отступило и чувство реальности. Он пребывал где-то посередине между обмороком и блаженством и едва ли слышал, что там воркует возле его ног Мария Карповна...

Потом они вернулись к столу; хозяйка второй раз ходила на кухню ставить чайник, и они опять пили чай с пирожками.

Мария Карповна предложила ему остаться до ужина, но он решительно поднялся и заявил, что ему пора домой. Причина, по которой он вдруг так заторопился, была смешная и одновременно жуткая: ему срочно понадобилось опорожнить мочевого пузыря, но он не осмеливался спросить разрешения воспользоваться туалетом, боясь быть замеченным соседями по

квартире. А ему так хотелось остаться, еще побыть с Марией Карповной и Леночкой! Но боязнь повредить хозяйке пересилила.

Провожая его, Мария Карповна предложила ему оставить на ногах теплые носки, а его собственные, уже просохшие на батарее центрального отопления, взять с собой.

– Это носки моего покойного мужа, они никому больше не понадобятся. Берите, не стесняйтесь! Носите на здоровье, я сама их вязала.

И будь его воля, он бы обязательно взял эти носки, ему очень хотелось их взять, но он не решился: как бы он объяснил при очередном ежемесячном осмотре квартиры появление в его гардеробе пары носков ручной вязки? Пришлось отказаться и надеть свои.

Мария Карповна записала ему на бумажке свой телефон и адрес и пригласила бывать запросто.

– Леночка у меня гостит не часто, так мы бы с вами иной раз вдвоем поскучали за чайком да разговорами. Я вижу, вы тоже, как и я, человек одинокий.

– Да, вы правы, Мария Карповна, я очень одинокий человек.

– Ну, вот и приходите запросто, голубчик! Я вас буду ждать.

Может быть, она и ждала его потом какое-то время. Но он, выходя от Марии Карповны, уже твердо знал, что никогда и ни за что не отважится еще раз прийти сюда, в эту теплую комнату с иконой Божьей Матери в переднем углу и целым иконостасом родных и знакомых над диваном.

Он вышел на улицу, свернул за угол, зашел в первую попавшуюся подворотню и помочился прямо под стеной. Ему в тот момент было совсем неважно, что его могут заметить, устроить ему скандал, даже отправить в милицию, – он не мог больше терпеть ни минуты. Главное, он успел уйти с той улицы, на которой жила Мария Карповна и где он не посмел бы сотворить такое непотребство.

Вспоминая, Сын Вождя не забывал сторожко следить за тем, что происходит в трамвае, и одновременно наблюдал город за окном. Он бездумно отметил, что портретов Вождя на улицах было намного меньше, чем в недавний юбилейный год, но все еще более чем достаточно: со стен домов, с круглых уличных тумб, даже из витрин магазинов выглядывало знакомое лицо с будто бы ласковым прищуром. Не было никакой ласки в этом прищуре, уж это он хорошо помнил...

Конечно, ушедших великих людей надо помнить и после смерти, думал он, но не так, чтобы они заслоняли жизнь живым. Он вспомнил гигантские портреты Вождя, которые загораживали по три-четыре этажа жилых домов: вечерами сквозь огромный лик Вождя фантазмагорически просвечивали окна квартир. Может быть, покойный потому и не находит покоя, усмехнулся он про себя, что его посмертное пребывание на земле искусственно поддерживается с таким упорством?

На Петроградской стороне трамвай прошел мимо неприметной улочки, обсаженной деревьями, теперь уже большими. Если выйти на следующей остановке, вернуться немного назад и свернуть в эту улочку, по ней можно дойти до небольшого кинотеатра. Было время, когда он тратил на кино все скопленные обманым курением деньги и редкие дни своей свободы.

Обнаружил он этот небольшой кинотеатрик совершенно случайно. Это было в один из ЕГО ДНЕЙ. Накануне он, как всегда в день смерти Вождя, из дома вообще не выходил, заранее закупив продукты в универсаме. Он был уверен, что, «отдежуривав» этот день и убедившись, что он ни о каких диверсиях и не помышлял, его охранники, как обычно, устроили себе выходной. Была метель, он спокойно ехал на Острова, и ему вдруг показалось, что в трамвай с задней площадки вошел кто-то из «кожаных курток».

Уже тогда его охранники кожаных курток давно не носили, они ходили в обычных костюмах, плащах или пальто, на голове носили скромные шляпы или кепки, а зимой – меховые шапки. Но для него они в любой униформе оставались как бы мечеными, он безошибочно узнавал их в любой толпе и сразу старался скрыться от них, даже если встреча происходила в соседнем универсаме или булочной возле дома, где опасаться ему было нечего. И про себя он продолжал называть их «кожаными куртками».

В тот раз, заметив входящего в трамвай подозрительного пассажира, он быстро протиснулся к передней площадке и выскочил из трамвая почти на ходу, едва не защемленный закрывавшимися дверьми.

Быстрым шагом уходя с остановки, он свернул в первую попавшуюся улочку, по обеим сторонам которой стояли, изнемогая под тяжестью снега на ветвях, какие-то деревья. Он еще пожалел, что они такие молодые – за их тонкими стволами не спрячешься... Он прошел по ней довольно далеко в сторону от проспекта, удостоверился, что слежки за ним нет, и тут вдруг увидел вход в кинотеатр, а по бокам от него – витрины с афишами. Он скользнул взглядом по названию фильма и остолбенел, прочитав имя Вождя. И тут же он решил пойти в кино и посмотреть фильм, как это делают обычные граждане.

Он толкнул дверь и вошел в небольшой вестибюль. Тут он увидел окошечко в стене, перед которым стояла очередь из нескольких человек. Он, никого ни о чем не спрашивая, просто встал в очередь, как привык делать в магазинах.

Он видел, как люди протягивают в окошечко деньги, а потом отходят, держа в руках синие полоски бумаги – видимо, билеты в кино. Он не знал, хватит ли у него денег на билет.

Стоявший впереди подросток протянул в окошечко пять рублей, и пожилая неприветливая кассирша дала ему билет и сколько-то рублей сдачи. У Сына Вождя было девять рублей – пять рублей одной бумажкой и четыре по рублю, и, чтобы не задавать вопросов сердитой кассирше, он протянул ей пятирублевую бумажку.

– Один, два? – спросила она, принимая деньги.

– Один.

– Поближе, подальше?

– Поближе.

Она протянула ему синий билетик и три рубля сдачи. Он постоял, разглядывая свой билет и ожидая, когда стоявший за ним человек тоже получит билет: он не знал, куда идти дальше, и решил следовать за ним. На его билете было написано: «Ряд 4 место 15», а сбоку была крупная надпись: «КОНТРОЛЬ». Вслед за мужчиной он прошел через дверь, возле которой стояла пожилая женщина; она взяла у них билеты и оторвала полоску с надписью «КОНТРОЛЬ».

– Проходите, – сказала она, возвращая билет.

Он прошел в довольно большое помещение, где стояли и прохаживались люди, в основном подростки и взрослые с детьми. Позже он узнал, что это помещение называется «фойе» и здесь люди ожидают начала сеанса. На одной стене фойе, в ряд с небольшими промежутками, висели темно-красные плюшевые портьеры, за которыми скрывались двери в кинозал – это он узнал уже скоро.

В конце помещения была стойка, возле нее снова небольшая очередь. Он подошел и увидел стеклянную витрину, как в гастрономе, а за нею конфеты в вазах, пирожные на подносе и на большом плоском блюде – немного подсохшие с виду бутерброды с колбасой, сыром и даже с красной икрой. Ему очень захотелось купить один такой бутерброд, но он не был уверен, что у него хватит денег на такую роскошь. Потом он заметил, что люди покупали вовсе не бутерброды, а вафельные стаканчики с мороженым, и отошел от стойки: давным-давно миновало время, когда он мечтал о таком стаканчике, как о райском блаженстве. Теперь мороженое ассоциировалось у него только с ангиной, а болеть он не любил. Болеть хорошо тому, за кем приглядывают, а за ним – следили.

Потом он заметил в стороне от буфетной стойки открытые двери, в которые входили и выходили люди. Он осторожно заглянул туда и увидел, что там стоят столы и стулья, а на столах лежат подшивки газет. Люди сидели за столами и небрежно листали эти подшивки. Ему категорически запрещалось читать газеты и слушать радио, поэтому он отошел от дверей, продолжая издали поглядывать на счастливых с газетами.

Откуда-то прозвучал резкий звонок. Он вздрогнул, но тут же заметил, что люди на звонок реагируют спокойно. Красные портьеры теперь уже были раздвинуты, двери распахнуты, и люди поспешили в зал. Он вошел вслед за ними и увидел длинные ряды деревянных кресел с откидными сиденьями. Он на мгновение замер, прежде чем идти разыскивать свой ряд.

Точно такие же ряды деревянных кресел стояли в клубе милицейской школы в Стрельне. Ему иногда разрешали смотреть кинофильм вместе с курсантами школы: курсанты сидели в зале, а он – на сцене, на принесенной с собой из камеры табуретке. Он тихо сидел там, отделенный от всех экраном, и все фильмы смотрел с обратной стороны. Если в фильме появлялись надписи, ему трудно было читать их наоборот. Сейчас, войдя в зал, Сын Вождя сообразил, что впервые увидит фильм из зрительного зала. Не считая, разумеется, тех, что в детстве смотрел с мамой в синемаатографе.

Зрители проходили между рядами и занимали свои места, поглядывая в синие билеты. Ему удалось почти сразу найти свой ряд и место. Он сел, сложил руки на коленях и стал ждать.

Потух свет, зазвучала громкая музыка, и на экране появились смешные нарисованные зверушки. Это был детский фильм, и он испугался, не перепутал ли он что-нибудь. Он хотел посмотреть фильм о Вожде, а ему показывают какую-то сказку. Но он все равно теперь не посмел бы встать и уйти: справа и слева от него тесно сидели взрослые и дети, и он не представлял, как теперь можно со своего места пробраться к выходу. Он чуть не расплакался с досады.

Позже он узнал, что это было в порядке вещей – показывать какой-нибудь короткий фильм, документальный или мультипликационный, перед главным фильмом.

Через несколько минут свет опять ненадолго заглох, запоздалые зрители вошли в зал, а потом он увидел на экране живое лицо Вождя. Он знал, что в фильме роль Вождя исполняет актер, и даже успел прочесть в титрах его фамилию, но образ Вождя, видимо, был так досконально изучен теми, кто делал кино, что он узнал его. Он-то ведь знал это лицо не только по портретам, но и по собственным детским воспоминаниям.

На экране Вождь был похож на себя – невысокий, суетливый, картавый, но вместе с тем он был совершенно другой. В фильме он выглядел смелым, умным, непримиримым к врагам революции борцом, но также и человечным, любящим серьезную музыку, заботливым, даже нежным по отношению к друзьям и соратникам.

Напряженно и жадно вглядываясь в экран, Сын Вождя чувствовал, что любит Вождя не только как своего настоящего отца, но и как отца миллионов обездоленных русских людей, ждущих избавления от тяжелого гнета царизма. И когда Вождь объявил толпе сограждан, что октябрьская революция свершилась, Сын Вождя благодарно заплакал. Конечно, его собственная судьба сложилась трагически, но разве Вождь был в этом виноват? Зато сколько миллионов россиян были освобождены и спасены его отцом! Как смел он так доверять своим детским воспоминаниям?

Когда-то у него был другой отец – папа, которого он видел редко, но любил восторженной и радостной любовью. Папа был красивый, веселый, от него пахло морем, табаком, хорошим одеколоном и немного машинным маслом – он был морским офицером. Его военный корабль уходил в плавание на долгие месяцы, и мальчиком Сын Вождя всегда с нетерпением ожидал праздничных папиных возвращений из плавания, диковинных заморских подарков и гостинцев из петербургских кондитерских.

Мама сразу становилась веселой и красивой, делала пышную прическу, надевала яркие платья, меха и модные шляпы. Это были шляпы с такими огромными полями, что, проходя в

дверь какой-нибудь лавочки в Гостином дворе, она должна была склонять голову набок, чтобы не задеть шляпой дверные косяки. Потом папа снова уходил в плавание, и тогда рядом с мамой как из-под земли возникал Вождь. Она сразу менялась: вместо пышной прически заплетала и сворачивала калачиком тугую косу, носила простые черные юбки с белыми блузками и очки; при папе она их почти не надевала, предпочитала мило и лукаво шуриться. Она была очень близорука.

Вождь появлялся не один. С ним вместе в квартиру приходили какие-то серьезные молодые люди и сердитые девушки с пучками на затылке или остриженные под деревенских мальчишек. Вся эта публика часами вела напряженные разговоры в библиотеке, куда подавался чай с бисквитами или водка с самыми простыми закусками, потому что прислуга в такие вечера получала выходной.

Сын Вождя этих гостей не любил и, когда они появлялись, прятался в детской. Ему не нравились их громкие разговоры, горький дым дешевых папирос, которым они наполняли библиотеку. Особенно ему не нравилось их пение. Они пели хором, стараясь приглушать голоса, и от этого даже веселые песни становились у них какими-то полузадушенными, как будто доносились из подземелья. А ему нравилось, когда мама сидела за роялем в гостиной и пела своим громким переливчатым голосом для папы и для совсем других гостей – веселых, нарядных, праздничных. Особенно неприятно было присутствие Вождя летом на даче, где он снимал домик у какого-то финна рядом с их собственной дачей на самом берегу Финского залива. Их дача называлась «Кукушкин домик» и была впрямь похожа на швейцарские резные часы с кукушкой. Когда с ними не было папы, Вождь на целый день занимал мезонин: он говорил, что ему там хорошо работается. Сыну Вождя очень не нравилось, когда, идя домой от купален, он видел в прелестном резном «кукушкином окне» склоненную лысую голову.

На даче Вождь питался с ними за одним столом, а кухарке отдавалось распоряжение готовить его любимые кушанья. Вождь любил пельмени, и Сын Вождя их возненавидел на всю жизнь.

Ему было странно, что его мама, весело командовавшая папой, этим высоким моряком с усами и кортиком, с Вождем вдруг становилась послушной, всегда в чем-то виноватой девочкой-подростком, и он не только смел повышать на нее голос, но даже кричал и в раздражении топал ногами.

И позже, став взрослым и уже преклоняясь перед Вождем, он все равно не мог понять, как могла его красавица мать годами изменять мужу с этим маленьким рыжим человечком, вечно чем-то озабоченным и недовольным. А она его любила, любила преданно и благоговейно, и при этом очень его боялась.

Однажды Вождь напугал и его, тогда мальчика лет шести-семи. Он сидел на полу между окном и книжным шкафом и строил из книг замок для своих оловянных рыцарей, привезенных папой из Германии. Один замок у него уже был и стоял в детской – прекрасный разноцветный замок из папье-маше, с башнями, зубчатой стеной и действующим подъемным мостом. Но он затеял большую войну, разделил своих рыцарей на две армии и одну из них «увел» к отцу в кабинет – вот для них и строился замок из папиных книг. Услышав, что мама и неприятный гость направляются туда же, он спрятался за оконной гардиной. Он вовсе не собирался подслушивать или подглядывать, для этого он был попросту слишком мал: он только хотел, чтобы мама его не заметила и не заставляла подходить к Вождю, чтобы тот «поцеловал их мальчика». Ему совсем не нравилось, когда его мама громким шепотом говорила про него этому человеку с узкими холодными глазами – «наш мальчик». Он тихо сидел на полу в широком проеме окна, копошился со своими рыцарями и поневоле слушал, как мамин гость говорит ей что-то напористо и скоро, будто вколачивает в нее маленькие и острые гвоздики слов.

– Маша, ты должна принести эту жертву не для меня, а для дела революции. Чего ты боишься?

– Милый, но он же военный моряк! Он такой порядливый, такой аккуратист – как может он вдруг взять и потерять? Нет, нет, прошу тебя, не заставляй меня идти против моей совести! Лучше я найду для тебя еще денег, а ты на них сумеешь раздобыть какие-нибудь другие документы.

– Маша, ты не имеешь права так подводить меня: я уже сообщил товарищам за границей, что у меня будет паспорт на имя Николаева. Это подло, в конце концов, – обещать и не исполнить!

– Я обещала любую помощь, зная твое сложное положение, но я же не знала, что ты потребуешь от меня совершить преступление!

– Сколько раз ты говорила нашим товарищам, что ради революции готова на все?

– Но разве можно идти на подлость даже во имя прекрасного дела? Красть документы не только преступно – это безнравственно!

– Запомни, дорогая Маша: что полезно для революции, то и нравственно. А революция для тебя – это я. Когда твой муж уезжает в Кронштадт?

– Завтра вечером. А послезавтра утром его корабль выходит в море.

– Сколько он пробудет в плавании на этот раз?

– Только один месяц.

– Меня это устраивает. Завтра в полдень я пришлю к тебе товарища за паспортом. Он придет на кухню под видом печника и вызовет хозяйку: ты выйдешь к нему и вынесешь паспорт.

– Ох, я не знаю...

– Пойми, Машенька, от тебя сейчас требуется последняя жертва. Потом я уеду за границу и вернусь только тогда, когда все будет готово к перевороту. И тогда, Маша, у нас начнется другая, счастливая жизнь. Мы сможем наконец соединиться, отбросив унижающую нас ложь, и жить втроем – ты, я и наш сын. Кстати, а где он? Что ж ты мне его не покажешь, Машенька? Я давно не видел нашего мальчика.

– Он в детской. Пойдем к нему, дорогой.

Вот так Сын Вождя узнал о себе правду.

Но тогда он ничего не понял и только обрадовался, что его не обнаружили за гардиной. Осознал услышанное он гораздо позже, но именно эти детские воспоминания мучили ему душу и делали его несчастным.

Его папа, военный моряк, в момент революционного переворота находился в морском походе, ведь еще шла Первая мировая война. В послереволюционную Россию он не вернулся, но присылал за мамой и за ним верных людей. Мама покидать Советскую Россию категорически отказалась и передала с посланцами письмо: «Тут я ему все объясняю...» – и больше он о папе никогда ничего не слышал.

У них с мамой началась какая-то странная, фантастическая жизнь. Мама стала артисткой агитационного поезда и ездила с ним по всей стране, а его оставляла со старой нянюшкой. Теперь Сыну Вождя кажется, что он уже тогда предчувствовал свою ужасную судьбу и потому был таким тихим мальчиком: в школе ни с кем не водился, а дома почти все время проводил за книгами. Мама горела революционным восторгом, ей почему-то нравилась эта сумасшедшая, какая-то болезненно возбужденная жизнь на развалинах прежней жизни, и восторга ее хватило до самого двадцать третьего года, когда их вдруг арестовали как жену и сына царского офицера. Их разделили сразу же по прибытии в ДОПР – Дом предварительного заключения. Прощаясь, мама уверяла его, что, как только Вождь оправится от болезни, он тотчас свяжется с ними и освободит их. Больше он ее не видел.

Сын Вождя никогда не винил своего настоящего отца в их с матерью несчастье: глупо и неблагородно ненавидеть того, от кого ждешь спасения и защиты. А он – ждал. Но Вождь так и не спас их: как потом узналось, он в это время уже был неизлечимо болен.

После сеанса он вышел на улицу вместе со всеми зрителями и прошелся несколько раз взад-вперед, взволнованный, какой-то даже окрыленный. У него впервые появилась гордость за отца и даже смутное желание с кем-нибудь этой гордостью поделиться.

Потомон пересчитал деньги и взял билет на следующий сеанс. Кассирша предупредила его, что фильм уже начался, но он пропустил только детский мультфильм. И он, Сын Вождя, сидел в темном зале и плакал от любви к Вождю и от светлого чувства примирения с судьбой.

После этого он целых два года вспоминал каждое слово, произнесенное Вождем с экрана, каждую черточку его лица, малейшую интонацию голоса, и прежний пугающий образ, с детских лет носимый в памяти, совершенно стерся под этими новыми наслоениями памяти. Дома он часами глядел на свое отражение в зеркале ванной, пытаясь в своем лице разглядеть черты Вождя. Но, увы, он был похож на свою мать.

Через два года, в очередной ЕГО ДЕНЬ, он снова добрался до своего маленького кино-театрика на Петроградской стороне. Шел фильм о последней войне и о новом Вожде. Он все четыре года войны провел за решеткой и решил обязательно этот фильм посмотреть.

Он вошел в пустое фойе почти за полчаса до начала сеанса и заглянул в отворенную дверь читальной комнаты. Там никого не было. Он вошел, но подсесть к столу с подшивками газет не решился, а просто прохаживался вдоль стоявших у стены книжных шкафов. В одном из них он увидел ряды одинаковых красных томов с именем Вождя на корешке. Он понял, что все это – сочинения его отца. Дрожащими руками он прикоснулся к дверце, и она оказалась незапертой. Он с трепетом вынул первый том. Аккуратно прикрыв дверцу шкафа, он сел на стул подальше от дверей и углубился в чтение.

Первая статья посвящена была сельскому хозяйству и была полна рассуждений об экономике и статистических данных; он ровно ничего в этих цифрах и рассуждениях не понял, но уже сама их абсолютная непонятность внушала уважение. Он поставил этот том обратно на полку и стал смотреть другие книги в этом чудесном шкафу. Ему опять повезло: на нижней полке шкафа он обнаружил книгу о Вожде, предназначенную для детей, в ней было множество фотографий и рисунков. И он пошел на преступление – решил унести эту книгу. Оглянувшись и убедившись, что читальная комната все еще пуста, он расстегнул плащ, пиджак и сунул книгу за брючный ремень.

Фильм был цветной, музыкальный и героический, но на его взгляд слишком шумный. И пока он смотрел на экран, рука его то и дело ощупывала книгу на животе, а сам он напряженно думал, где бы ему найти укромное место для чтения.

Обычно СВОЙ ДЕНЬ он проводил в парке, пока не замерзал: тогда он садился в трамвай и ехал к дому. В трамваях тепло, к вечеру в них зажигают электрический свет, а самое главное – многие люди читают в городском транспорте, он это видел не раз. Вот в трамвае он и прочтет книгу!

Фильм наконец-то кончился. Он вышел из кинотеатра, сел в трамвай, нашел свободное место, извлек книгу и принялся за чтение. Ах, какая это была замечательная, упоительная книга! Какой теплый, дорогой образ отца вставал перед ним с ее глянцевиных страниц! А какие в ней были фотографии! Он их рассматривал, гладил пальцами и даже, оглянувшись, приложился к одной из них губами...

– Гражданин! Кольцо, конечная остановка – выходите!

Он вздрогнул и оглянулся. В трамвае никого не было, кроме него и кондукторши. Он растерянно встал.

– Вы что, зачитались и проехали свою остановку? – улыбаясь, спросила кондукторша.

– Да, проехал...

– А что это вы читаете? Он показал ей книгу.

– А, вон у вас какая книга! Ну, не беда! Можете ехать в обратную сторону со старым билетом, только теперь уж постарайтесь свою остановку не проморгать.

Трамвай постоял на кольце и поехал в обратную сторону. Он еще несколько остановок читал, а потом вышел и пересел на другой трамвай.

В этот день он не только успел дочитать книгу, но и доехать до кинотеатра, купить билет и вернуть книгу на место. И хотя ему пришлось еще раз посмотреть шумный фильм о падении Берлина, это все равно был удивительно счастливый день, и счастья этого ему хватило еще ровно на год.

Через год в городе опять была вьюга, и опять был ЕГО ДЕНЬ. Он с утра поехал в свой кинотеатр и взял билет на первый утренний сеанс. У него было искушение взять ту же самую книгу и еще раз перечитать ее, но он рассудил, что стоит попытаться сделать новые открытия. Он решил просмотреть тома сочинений Вождя и начал с последнего. Том этот был посвящен переписке Вождя. У него замерло сердце: а вдруг он найдет письма Вождя к его матери?

Он снова спрятал книгу на себе и пошел смотреть ненужный ему фильм-сказку про Кашея Бессмертного и Василису Прекрасную. Смотрел, впрочем, с большим удовольствием. Наконец зрителей выпустили из кинозала, он вышел на улицу, дождался трамвая, сел и углубился в изучение переписки Вождя.

Писем к матери он не нашел, хотя начал читать с года своего рождения. Но зато он нашел письма Вождя к соратникам, подписанные его собственной фамилией, то есть фамилией мужа его матери – Николаев. Он понял, что мать все-таки передала тогда паспорт мужа Вождю. В примечаниях к письмам было сказано, что Николаев – одна из партийных кличек Вождя. И ни слова о том, откуда появилась эта «кличка».

Он был разочарован. Он все-таки надеялся найти неоспоримое документальное свидетельство того, что у Вождя был тайный сын. Не для кого-нибудь – для себя...

Конечно, когда-то он об этом думал всерьез. Он даже вынашивал мысль о побеге из-под надзора «кожаных курток» Он понимал, что для того, чтобы открыть миру великую тайну своего происхождения, ему нужны сообщники, готовые ему помогать. И он искал их. Это было уже после психбольницы, когда он жил под надзором, но все-таки на воле. Ему уже разрешалось свободно выходить из дома и гулять по улицам – в своем районе, недалеко от дома, конечно. И он был еще относительно молод тогда, здоров и еще мечтал о свободе и счастье.

Однажды он подошел в скверике к компании молодых людей, в разговоре которых ему послышалось имя Вождя. Он подошел к ним и сказал:

– Вот вы сейчас назвали имя великого человека. А вы знаете, кто я? Я – его сын! Да-да, родной и единственный сын! И если вы мне поможете...

Сын Вождя был готов к чему угодно – к недоверию, негодованию и даже насмешкам, но не к тому, что он услышал.

– Ты что, дядя, ненормальный или пьяный? За такие слова знаешь, куда угодить можешь? Еще и нас за собой потащишь. А ну, катись отсюда, да поживей! Тоже мне Сын Вождя нашелся!

Парни угрожающе двинулись на него, а когда он повернулся, чтобы уйти, кто-то из них догнал его и дал ему пинка. Он пробежал несколько шагов и упал. Сзади раздался хохот. Сын Вождя поднялся и ушел, не оглядываясь и глотая слезы. Он был вдвое старше этих ребят, но драться совсем не умел, да и не хотелось ему с ними драться..

Прошли годы, теперь он искал одной лишь правды об отце и неожиданно нашел ее в этом последнем томе с перепиской. Нашел и ужаснулся. Именно из этой переписки Сын Вождя понял, что он и его мать были такими ничтожными вешками на жестоком пути Вождя к власти, что только профессиональная привычка придавать значение мелочам заставила «кожаных курток» уделять так много внимания самому факту существования сына Вождя. Для Вождя этот факт, разумеется, никакого значения не имел.

Ненависть к любому противлению и несогласию, жестокость к врагам, настоящим или мнимым, сопротивляющимся или поверженным, упоение самой возможностью проявлять

насилие – вот чем были полны письма, записки и резолюции Вождя. Он читал строки этих документов, и ужас охватывал его.

Сын Вождя на несколько дней утратил всякую осторожность. Он принес книгу домой, на ночь спрятал ее в шкафу под теплым бельем, а на завтра снова вышел из дома и полдня ездил на трамваях, дочитывая ужасный том. Он риковал как никогда – почти никогда, потому что рушилось все: не он один был обманут – весь мир был обманут! Он читал и не понимал всеобщего ослепления: как же другие читают эти письма и не видят истины? Как можно не заметить этой сатанинской злобы, коварства и полного равнодушия не только к отдельным людям, но и к человеку вообще? Но – не замечали! Это было чудовищно, необъяснимо, здесь действовала какая-то государственная мистика.

Он понял, что и его самого продолжали скрывать от мира уже не потому, что его положение могло быть кем-то использовано как знамя переворота, но лишь потому, что он был НЕЗАКОННЫМ сыном Вождя, а это могло бросить тень небезупречности на культовую личность. Они и убить его не смели оттого, что тайна этого убийства тоже могла когда-нибудь всплыть и нанести урон каноническому образу Вождя.

Он не стал возвращать книгу в кинотеатр, просто оставил ее на сиденье в трамвае.

Он уже давно проехал свой кинотеатр. Ах, пора, давным-давно пора бы все простить и забыть, да вот, не получается...

По другую сторону из окон трамвая стал виден парк, и он пересел на ту сторону, чтобы поглядеть на деревья. Он очень любил деревья и стал смотреть на них, чтобы отвлечься от мыслей о Вожде: не хотел он сегодня думать о нем, совсем не хотел...

Ветер в парке гулял свободней, чем по улицам, гонимый им снег вздымался от земли седыми вихрями и завивался в крутые столбы, и вдруг ему показалось, что между черных стволов мелькает некто в сером балахоне, с белыми волосами и бородой, развеваемыми ветром. Старец Нектарий? Он часто вспоминал его лицо, морщинами и цветом похожее на половинку грецкого ореха.

Отшельник отец Нектарий, которого он встретил когда-то на Кавказе... Навряд ли он еще жив, ведь ему и тогда, в дни юности Сына Вождя, было лет под сто. А вот не забывается никак.

Иногда Сын Вождя просыпался среди ночи, как будто разбуженный чьим-то требовательным окликом или прикосновением. Ему казалось иногда, что кто-то случайно позвонил в его звонок, и он долго лежал без сна, ожидая, что разбудивший его звук повторится. Ничего не происходило. И тогда он вставал, шел на кухню, пил холодную воду из-под крана и клал под язык таблетку валидола. Потом он возвращался в комнату, снова ложился, но заснуть уже не мог. Именно в такие ночи он вспоминал старца Нектария и тихий его голос: «Молись о своем окаянном отце, Георгий!».

Как-то в январе у Сына Вождя случился грипп. К нему вызвали врача из тюремной больницы. Этот врач, сам уже старик, вообще-то неплохо к нему относился: лет десять назад, когда у него было воспаление легких, он даже принес ему из дома старенькую фуфайку из ангорской шерсти, которая до сих пор его выручает.

– У меня полтюрмы больны гриппом, – сказал доктор, сердясь то ли на эпидемию, то ли на своих пациентов-арестантов, то ли на Сына Вождя. Он сделал ему какой-то укол и удалился, оставив горсть таблеток парацетамола.

Больше врача к нему вызывать не стали, только приносили еду. Температура не спадала, он страшно кашлял и бредил по ночам.

И вот ему привиделось в бреду, что он стоит в сумерках на маленьком островке посреди необозримого болота, края которого скрываются в белесом тумане. По всему болоту чернеют силуэты мертвых деревьев с воздетыми к небу голыми сучьями. Какие-то таинственные мрачные существа беззвучно ползают у него в ногах, но он не может ни разглядеть, ни отогнать их. Вдруг в тумане появилась светлая точка и стала приближаться к нему. Он напряженно глядел в

ту сторону и вскоре увидел двоих, бредущих к нему по болоту: один, высокий и сутулый, шел впереди, а другой, кажется ребенок, брел за ним, спотыкаясь и раскачиваясь на ходу. В первом он узнал отца Нектария. В руке старец нес кованый железный фонарь с горящей внутри свечой.

– Не послушал ты меня, Георгий, – укоризненно сказал старец. – Взгляни на своего отца. Неужто и теперь не пожалеешь его?

Старец поднял фонарь, и вперед вышел тот, кто шел за ним. Это оказался человек с телом как у семилетнего ребенка и взрослой головой, лысой и бородатой... Голова, казалось, крепко спала, глаза были закрыты, а тело двигалось рывками, словно кукла на веревочках. Сын Вождя с ужасом узнал в этом уродце своего отца. Человек приближался к нему, но едва не прошел мимо. Подойдя почти вплотную, он опустил на колени и протянул к нему маленькие усохшие ручки; из-под его сомкнутых век без остановки текли быстрые слезы, мокрая слипшаяся борода мелко дрожала, он силился и не мог открыть ни глаз, ни рта. Сын Вождя закричал и проснулся, а потом долго лежал, обливаясь потом и тяжело дыша. Прибредится же такое...

Когда он оправился от болезни, он попытался раз и навсегда избавиться от этих ночных ужасов. Дождавшись СВОЕГО ДНЯ, он пошел в Никольский Морской собор, чтобы помолиться за отца Богу, которого он уже не помнил и в которого не верил. Он решил выполнить волю старца, чтобы во сне, если тот опять ему привидится, иметь право сказать: «Я молился за отца, теперь оставьте меня, пожалуйста, в покое».

Он попал к началу службы. В собор еще только начали собираться старушки; они покупали свечи и обходили с ними иконы.

Как ни странно, войдя в храм и оглядевшись, он его узнал. В детстве он ходил именно сюда, в Никольский собор, с папой и мамой. Его даже причащали – вспомнилось ему крепко забытое слово.

Возле дверей он увидел что-то вроде конторки, за которой пожилая женщина торговала свечами. Он встал в очередь и купил одну свечку, не самую дорогую. Потом пошел тихонько вдоль стены, раздумывая, куда положено ставить свечи за покойников? Так незаметно для себя он дошел до старушек, сгрудившихся перед закрытым алтарем. Молодой служитель что-то негромко читал монотонным голосом, а они прилежно кланялись и крестились.

Сын Вождя прислушался к тому, что читал служитель, но не понял почти ни слова. Ему вдруг вспомнился разговор, который произошел когда-то между папой и мамой, когда они выходили из этого храма после долгой-долгой службы.

– Зачем они все читают на этом непонятном языке? – почему-то обиженно спросила мама. – Абракадабра какая-то – ничего не понять!

В ответ папа засмеялся и сказал:

– Машенька, ты свободно говоришь по-французски, знаешь английский и немецкий, а начав серьезно заниматься пением, легко выучила итальянский. Почему бы тебе, с твоей способностью к языкам, не изучить заодно церковно-славянский, чтобы говорить на нем с Богом и понимать язык своей Церкви?

– Ты всегда смеешься надо мной! – обиделась мама.

Сын Вождя невольно улыбнулся своим воспоминаниям, но тут же погасил неуместную в храме улыбку.

– Что это идет за служба? – шепотом спросил он одну из старушек.

– Поздняя литургия, батюшка, часы читают.

– А вы не подскажете, как бы мне помолиться за покойника?

– Новопреставленного?

– Как? Я что-то не понял...

– Когда помер покойничек-то?

– В двадцать четвертом году.

– У-у-у! Панихиду отслужить надо бы... А тебе усопший кем приходится?

– Отцом.

– Православный был?

– Вот этого точно не скажу.

– А сам-то ты в Бога веруешь?

– Извините, нет, не верю.

– А в храм пришел... Ну, бывает. Так может, отец твой тоже в Бога не верил? Это еще рассудить надо, можно ли за него и свечку-то ставить. Батюшку надо бы спросить. А кто он был, отец твой, профессия у него какая была?

– А профессия у него была – вождь мирового пролетариата.

– Чегой-то ты, батюшка, заговариваешься. Ты, может, хулиганить сюда пришел? Ступай-ка лучше отсюда, пока я служителей не позвала!

Старушка суетливо закрестилась и посеменила от него в сторону, вертя головой, – не иначе искала служителей. Не желая неприятностей, он вышел из храма, так и не поставив свечи.

Проходя через церковный сквер, он аккуратно положил свечу на пустую скамейку – авось проходящая к храму старушка победней приберет его свечку и поставит к какой-нибудь иконе, а уж там, наверху, разберутся. И он побрел к трамвайной остановке.

Хотя его хождение в храм закончилось неудачей, оно имело последствия. Прекратились таинственные ночные оклики, и старец больше ему не снился. Теперь он и сам порой думал о нем долгими пустыми ночами, когда его одолевала бессонница, и даже звал его. Ему и жутко было, и хотелось снова услышать его во сне. А иногда он мечтал: вот встретить бы настоящего монаха, пусть не старца и не прозорливца, а просто умудренного знанием о какой-то другой, вечной стороне жизни и ее законах, и побеседовать с ним. Но ему вспоминались обезображенные, оскверненные стены Соловецкого монастыря, Сергиевой пустыни, и он понимал, что неоткуда взяться такому монаху. Та встреча в горах была чудом, и теперь он не ждал повторения: в его жизни и простых-то событий было немного, что уж о чудесах мечтать...

И хватит, хватит этих воспоминаний! Не для того он готовился и рисковал, чтобы тратить СВОЙ ДЕНЬ на прежние обиды и переживания. Сегодня он будет вспоминать о счастье, о Марине, о море и солнце – для этого он и едет на Острова.

И потом, если хорошенько подумать, разве он сейчас так уж несчастен? Он видел на улицах города стариков, одетых гораздо хуже него, видел нищих инвалидов. В кино, в «Новостях дня», которые часто шли в начале сеанса, показывали всеобщее благоденствие и процветание, люди с экрана говорили о своем счастье и о счастье всего советского народа, но он знал, что, если это даже и правда, то ведь не вся правда: ему приходилось видеть и другое...

Как-то, идя по пустынной площади, он заметил, как аккуратная старушка, неплохо одетая – в пальто с воротничком из цигейки, в теплых бурочках, в чуть потертой меховой шапочке пирожком, – подобрала брошенную кем-то надкушенную булочку, завернула ее в носовой платочек и положила в сумку. Заметив его взгляд, старушка опустила голову и заспешила прочь. Он хотел ее догнать и предложить немного своих денег, он вполне мог с нею поделиться – но не осмелился, боясь смутить ее еще больше, может быть, даже оскорбить. «Как ужасна должна быть униженная старость», – подумал он тогда, глядя вслед старушке с булочкой.

Да, его старость по крайней мере была хоть как-то обеспечена. А несправедливость – ну так что ж с того? Теперь он хорошо знал, что не с ним одним поступили несправедливо, тут счет шел на миллионы. На шестьдесят шесть миллионов – так вот...

Конечно, он мог бы выйти к людям и объяснить им, что их обманывают, но собственная немощ и усталость шептали ему: а зачем?

Однажды в пустом вагоне трамвая он дремал, укутав лицо шарфом и прикрыв глаза, и вдруг услышал негромкий разговор двух мужчин, сидевших через два сиденья перед ним.

– ...им выгодно обвинять не основоположника, а его последователей: дескать, Вождь и его единственно верное учение безупречны, но на практике были допущены искажения.

– Гладко было на бумаге, да забыли про овраги.

– Вот-вот! Народ не знает, что все последующие зверства и репрессии выросли из тех, что были санкционированы самим Вождем уже в самом начале, сразу после прихода к власти.

Сын Вождя вздрогнул, заволновался – и вдруг решился. Он встал и подошел к беседующим:

– Простите, молодые люди, я нечаянно услышал ваши последние слова. Я не сумасшедший, и мне ничего от вас не нужно. Я просто устал молчать, и, если бы вы согласились меня выслушать... Я сын человека, о котором вы только что говорили.

Они, молодые, интеллигентные, хорошо одетые люди – один с длинными кудрями почти до плеч, второй с небольшой породистой бородкой, – смотрели на него с удивлением, с интересом, но без гнева и страха и, кажется, совсем не собирались над ним смеяться. Они переглянулись, и тот, что с бородкой, сказал:

– Давайте выйдем из трамвая и зайдем в кафе, выпьем по чашке кофе и поговорим. Не возражаете?

– Это было бы прекрасно!

– У вас, надеюсь, есть время, Виталий Андреевич? Жаль упускать случай познакомиться с таким интересным человеком.

– Время найдется, только кофе за ваш счет, Юрий Алексеевич, я пуст!

Сын Вождя отметил: совсем еще молодые люди, обоим далеко до тридцати, явно друзья, – потому что разве можно обсуждать подобные темы не с друзьями? – а зовут друг друга по имени-отчеству и на «вы». Он засуетился и заспешил к выходу, оглядываясь на них, – трамвай как раз подкатил к остановке.

Когда они вышли из трамвая, Сын Вождя торопливо сказал:

– Позвольте мне пригласить вас, у меня есть деньги! Только вы мне поможете – я никогда не был в кафе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.